

Б. С. МЕЙЛАХ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ПУШКИНА ЗА РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

По мере изучения советским литературоведением жизни и творчества Пушкина все с большей ясностью выступает перед нами огромная историческая роль, которую сыграл великий поэт во всех областях общественной и политической жизни России. Применяя к Пушкину слова Гоголя о призвании писателя, можно сказать, что Пушкин, «постигнувши современность, ставши в уровень с веком, умел обратно воздать ему за научение себя — научением его». Деятельность Пушкина воплотила в себе весь исторический опыт русской нации, переработав который, он смог заложить основы для дальнейшего расцвета ее литературы, культуры, общественной мысли. Гений Пушкина формировался в эпоху всемирно-исторической эпопеи борьбы с Наполеоном, обнаружившей неисчерпаемые возможности и героическую самоотверженность русского народа, в эпоху подготовки штурма твердыни абсолютизма и крепостничества революционерами-декабристами. Именно потому Пушкин смог сыграть гигантскую роль в истории России своей деятельностью, которой была свойственна подлинно энциклопедическая широта. Страстным патриотизмом вдохновлялась и вся его деятельность в области развития, совершенствования, обогащения русского литературного языка. «Только революционная голова..., — писал Пушкин, — может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»¹.

Как отмечает акад. В. В. Виноградов, Пушкин был в эту эпоху «в области русской языковой культуры бесспорным ее руководителем... Пушкинское творчество разрешило все основные спорные вопросы и противоречия, возникшие в истории русского литературного языка до-пушкинской эпохи и не устраненные литературной теорией и практикой к первому десятилетию XIX века»². Огромная роль Пушкина в истории русского литературного языка признавалась еще при его жизни наиболее чуткими современниками. О ней с величайшей признательностью говорили Белинский и Гоголь. Позже ее подчеркивали Добролюбов и Чернышевский, Тургенев и Лев Толстой, Чехов и Горький. Тема «Язык Пушкина» привлекала внимание ряда исследователей, обогативших наши знания об этой стороне деятельности великого поэта ценными наблюдениями и выводами. Но разработка этой проблемы во всей полноте и на прочном теоретическом фундаменте возможна только теперь, после того, как сокровищница марксизма-ленинизма обогатилась гениальными трудами И. В. Сталина о марксизме в языкознании. Товарищ Сталин разоблачил антимарксистские, пролеткультовски-рапповские теории Н. Я. Марра и произвел коренной поворот в советском языкознании, открыв новые пути и для других научных областей.

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд-во АН СССР, т. XII, стр. 178 (в дальнейшем все ссылки даются на это издание).

² В. В. Виноградов, А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка, «Изв. Отд. лит. и языка АН СССР», 1949, вып. 3, стр. 188.

Первостепенное значение имеет для изучения языка Пушкина следующее указание И. В. Сталина.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»³.

Это положение товарища Сталина камня на камне не оставляет от вульгарных утверждений Н. Я. Марра о том, что литературный язык, существовавший до 1917 г., «по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс». Товарищ Сталин разбил антимарксистскую теорию Марра о классовости языка и указал, что «везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения» (стр. 9). В. И. Ленин писал о необходимости составить словарь «...современного (от Пушкина до Горького) русского языка»⁴. Отсюда следует необходимость для нашей науки всесторонне изучить в свете сталинских работ не только историческую роль Пушкина в развитии русского литературного языка, но и значение его для современности.

Задача эта является настолько сложной, что в рамках настоящей статьи можно претендовать лишь на постановку некоторых существенных вопросов большой темы.

Прежде всего следует отметить, что сталинские работы дают основу для понимания сущности того исторического этапа развития русского литературного языка, который воплощен в творческой деятельности Пушкина. Нередко раньше можно было встретить такие толкования роли Пушкина, согласно которым до Пушкина литературного языка не существовало, или утверждения о том, что Пушкин создал новый язык, противоположный якобы существовавшему дворянскому языку. В свете трудов товарища Сталина очевидна неправильность таких трактовок.

Товарищ Сталин пишет, что «развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка» (стр. 22—23). В развертывании и совершенствовании основных элементов общенародного, национально-самобытного русского языка и заключалась великая историческая заслуга Пушкина (а не в том, что он якобы создал новый язык). Из высказываний самого Пушкина следует, что он понимал задачу развития русского языка не путем уничтожения старого и построения нового, а на основе сближения языка, закрепленного в «книжной словесности», с находящимся в постоянном движении разговорным языком народа. «Письменный язык,— писал Пушкин,— оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком — разговорным значит не знать языка»⁵.

Правильное решение вопроса о взаимоотношении народного и литературного языка сформулировал Горький: «Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народ-

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Изд-во «Правда», 1950, стр. 7. (далее нами указываются только страницы этого издания).

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 416.

⁵ А. С. Пушкин, т. XII, стр. 96.

ный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанных мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его»⁶. Историческая роль Пушкина как основоположника современного русского литературного языка заключается в том, что он закрепил и разработал в литературе общенациональную норму русского языка, обогатил достижения предшествующих ему выдающихся русских писателей сокровищами живой разговорной речи народа, закрепил в литературе правильное понимание многих слов и терминов и боролся против использования русского языка реакционными группами дворянства в их целях.

Известно, что никогда борьба по вопросам о путях развития русского литературного языка и его основах не достигала такой остроты, как в первой трети XIX в. Поэтому позиции Пушкина в этой области могут быть поняты только при освещении различных линий этой борьбы.

Сущность острейшей борьбы по вопросам о путях развития русского литературного языка, развернувшаяся в первой трети XIX в., должна быть раскрыта на основе указаний И. В. Сталина о том, что «язык и его законы можно познать только в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» (стр. 18). В эпоху Пушкина с особенной яркостью проявилось отмеченное И. В. Сталиным стремление отдельных социальных групп «использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения». Товарищ Сталин указывает далее, что «особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные „языки“» (стр. 10—11).

В начале XIX в. в России дворянская аристократия, оторвавшаяся от народа, стремилась использовать язык в своих интересах, пыталась всячески воспрепятствовать тому, чтобы литературный язык служил орудием борьбы за разрушение феодально-крепостнического строя. С этой целью космополитические круги дворянства стремились утвердить в литературе свой салонный жаргон и засорить русский язык иностранными словами, обеднить его словарный состав, искажить правильное понимание важнейших терминов. Другая группа реакционного дворянства — националистическая — пыталась утвердить в качестве литературного языка — книжный церковнославянский, тем самым выступая против «общепонятности» (Пушкин) и желая воспрепятствовать обновлению словарного состава русского языка.

Подобные попытки нельзя, разумеется, квалифицировать как создание особого дворянского языка. В конечном счете это были бессильные потуги вытеснить или заменить могучий, богатый русский общенародный, национальный язык жаргоном «для немногих». Несомненно, что все эти попытки были направлены против национально-самобытной русской культуры (формой которой является национальный язык) и мешали развитию литературы по реалистическому пути. Поэтому против подобных попыток решительно восстали передовые силы русского общества.

В буржуазно-либеральной историографии борьба противоположных линий развития русского литературного языка рассматривалась обычно как борьба «Беседы любителей русского слова», возглавленной Шишковым, и Карамзина с его сторонниками. Карамзин, таким образом, признавался основателем «нового слога», т. е. реформатором, обозначившим новую эпоху в развитии русского языка, непосредственным предшествен-

⁶ М. Горький, О литературе, М., 1937. стр. 220.

ником Пушкина. Между тем в свете работ товарища Сталина очевидно, что основной, магистральной линией развития русского литературного языка могла быть только та линия, которая исходила из общенациональной нормы русского литературного языка, которая считала, что литературный язык — это обработанная, наиболее совершенная форма общенародного языка. А этой линии были враждебны и космополитические, и реакционно-националистические группы дворянства.

Идеология реакционно-охранительной националистической группы дворянства, проводившаяся Шишковым, полностью отразилась и в его позициях по вопросам языка. Стремление Шишкова навязать русской литературе книжный церковнославянский язык преследовало отчетливую цель — воспрепятствовать распространению в литературе единого общенародного языка, как средства борьбы против феодальных пут, как средства развития широкой публичности, образования общественного мнения, обсуждения в литературе злободневных проблем и развития ее по реалистическому пути.

Сохранение сословных перегородок и незыблемости феодально-крепостнических порядков — вот что лежало в основе рассуждений Шишкова о языке. Это видно хотя бы из следующего его утверждения: «Желание некоторых новых писателей сравнить книжный язык с разговорным, то-есть сделать его одинаким для всякого рода писаний, не похоже ли на желание тех новых мудрецов, которые помышляли все состояния людей сделать равными?»⁷. Один из противников Шишкова — П. Макаров писал о нем: «Кажется, что он полагает необходимым особый язык книжный, которому надо учиться как чужестранному и различает его только от низкого, простонародного». Тот же Макаров заметил, что Шишков боролся за сохранение такого языка, который «сделался некоторым родом священного таинства», вследствие чего «словесность досталась в руки малого числа людей»⁸.

С реакционно-реставраторскими политическими взглядами Шишкова была связана и его борьба против пополнения словарного состава русского языка теми словами, которые были необходимы для выражения новых, враждебных феодально-крепостнической идеологии понятий. В своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) Шишков откровенно писал: «...С одной стороны, в язык наш вводятся нелепые новости, а с другой — истребляются и забываются издревле принятые и многими веками утвержденные понятия». Такого рода «нелепой новостью» Шишков считал, например, введение в русский язык слова «революция», по поводу которого он в другом месте патетически восклицал: «Слава тебе, русский язык, что не имеешь ты равнозначащего сему слова. Да не будет оно никогда в тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно»⁹.

Если реакционно-реставраторская сущность позиций Шишкова в вопросах языка совершенно ясна, то более сложными были позиции противника Шишкова — Карамзина.

При оценке роли, которую сыграл в развитии русского языка сам Карамзин, следует избежать как той апологетики, которая была свойственна либерально-буржуазной науке, так и того вульгарно-социологического нигилизма, который иногда проявляется в выступлениях некоторых литературоведов в последнее время.

Было бы неверным отрицать известную прогрессивную роль Карамзина в приближении языка литературы к разговорной речи. Эту роль Карамзин безусловно сыграл, хотя политические взгляды его и были

⁷ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. 4, стр. 74.

⁸ П. Макаров, Сочинения и переводы, ч. 2, 1817, стр. 41.

⁹ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. 17, стр. 47.

реакционными. Наиболее объективная оценка роли Карамзина в развитии языка была дана Белинским, который писал:

«Карамзин преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской констукции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи... Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников». И в другом месте: «Язык самого Карамзина далеко не русский: он правилен, как всеобщая грамматика без исключений и особенностей, лишен руссизмов или этих чисто русских оборотов, которые одни дают выражению и определенность, и силу, и живописность. Русский язык Карамзина относится к настоящему русскому языку, как латинский язык, на котором писали ученые средних веков,— к латинскому языку, на котором писали Цицерон, Саллюстий, Гораций и Тацит»¹⁰. Роль, которую сыграл Карамзин в развитии русского литературного языка была крайне узкой, ограниченной только небольшим отрезком времени, и уже с появлением первого большого произведения Пушкина «Руслан и Людмила» это обнаружилось с полной очевидностью. Именно потому карамзинисты встретили эту поэму враждебно. Сыграв некоторую прогрессивную роль до появления Пушкина, Карамзин оказался враждебным главной магистральной линии развития русского литературного языка. Это подтверждается, прежде всего, отношением Карамзина к народной речи как источнику и основе русского литературного языка. Девиз Карамзина — нужно писать так, как говорят,— по существу был ограничен именно по отношению к языку народа. Этот девиз подразумевал приоритет узкой группы аристократического дворянства в установлении норм русского языка на основе вкусов именно этой группы. Устная народная речь не только третировалась за «грубость», но народу вообще отказывалось в умении говорить (соответственно представлениям верхушки дворянской аристократии). Любопытно, что в своих куплетах для «Сельской комедии» Карамзин вкладывал в уста земледельцев следующие признания:

...Мы счастливы
Славим барина-отца,
Наши речи некрасивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане нас умнее:
Их искусство — говорить,
Что же умеем мы? Сильнее
Благодетелей любить!

В полном единении с такого рода оценкой умения народа «говорить» находятся и следующие слова карамзиниста И. И. Дмитриева: «Какое же удовольствие найдет благовоспитанная девица, слушая ссору однодворца с его женою, брань дурака с дуροю, которых каждое слово несносно для нежного слуха?.. Какая вообще нужда знатнейшей части публики... знать, что происходит в трактирах, на сельских ярмарках и в хижине однодворцев, которые известны только их старостам и управителям? У них свои обыкновения, свои предрассудки и свои пороки...»¹¹

Эти слова Дмитриева прямо-таки просятся на сопоставление со словами Пушкина о том, что на ярмарках следует учиться писателю «простонародному наречию», что московские просвири «говорят удивительно правильным и чистым языком»¹².

Дворянская аристократия считала, что только она имела право диктовать народу нормы языка и определять дальнейшие пути развития

¹⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений под ред. С. А. Венгерова, 1910, т. IX, стр. 288—289.

¹¹ «Ветник Европы», 1802, № 7.

¹² А. С. Пушкин т. XI, стр. 71, 149.

языка. Еще в XVIII в. передовые русские писатели и в особенности такие предшественники Пушкина, как Ломоносов, Радищев, Фонвизин, стремились к усвоению живого языка народа. Каждый из них, обогащая и разрабатывая в той или иной степени общенародный язык, содействовал его дальнейшему расцвету. Характерно в этом плане принципиальное расхождение в оценках значения Крылова между Пушкиным и Вяземским. Пушкин, как известно, считал величайшей заслугой Крылова то, что он смог воссоздать в своем творчестве язык народа в его самых существенных особенностях. Вяземский же отвергал именно простонародность языка Крылова и предпочитал ему карамзиниста Дмитриева. Свою оценку Вяземский мотивировал тем, что «язык образованного писателя», «творца изящного» «должен быть присвоен народом», который играет, следовательно, в этом процессе лишь пассивную, как бы «потребительскую» роль. Иначе говоря, из этих рассуждений следовало, что язык является не общенародным достоянием, а достоянием имущих классов. Карамзинисты пытались навязать литературе жаргон аристократической верхушки.

Если бы Карамзин и его единомышленники строго следовали своим декларациям о полной изоляции литературы от общенародного языка, они не могли бы выразить даже того ограниченного содержания, которое в их произведениях имелось. Своего языка у карамзинистов, конечно, не было, ибо свой основной словарный фонд и грамматический строй они заимствовали все же из национального языка. Характеристика товарищем Сталиным диалектов и жаргонов верхушечных слоев дворянской аристократии, полностью применима к карамзинистам; у них имелся: «набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоев буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец некоторое количество иностранных слов. Все же основное, т. е. подавляющее большинство слов и грамматический строй, взято из общенародного, национального языка» (стр. 11). Хотя карамзинисты не смогли, конечно, вытеснить русский общенародный язык, но тем не менее их вредное влияние на русский литературный язык проявилось весьма резко. Оно выразилось в жеманности, манерности, сглаженности, обесцвеченности, бедности языка карамзинистов, в крайне ограниченном использовании словарного состава русского литературного языка, в засоренности произведений карамзинистов иностранными словами и оборотами. Отрицательная роль карамзинистов заключалась прежде всего в том, что свое отношение к языку они пытались превратить в норму для всей русской литературы. Линия Карамзина, в развитии русского литературного языка, таким образом, не открывала путей для его дальнейшего развития, совершенствования, обогащения, вела к дальнейшему сужению круга читателей, к обслуживанию литературным творчеством самых узких кругов дворянства. И в то же время линия Крылова, Грибоедова, Пушкина вела к дальнейшему расцвету русского литературного языка и развитию русской литературы по реалистическому пути.

Пушкин сыграл гигантскую роль в истории русского литературного языка именно потому, что он явился выразителем самых передовых общественных сил своего времени, сыном своей эпохи.

Огромное значение в борьбе с антинародными позициями дворянской аристократии в вопросе о путях развития русского языка имели Отечественная война 1812 г. и декабристское движение. В ходе войны для передовых слоев дворянства со всей очевидностью обнаружилась враждебная народу сущность и вред аристократического, салонного жаргона. Борьба против аристократического космополитизма, за широкое распространение и развитие национально-самобытного русского литературного

языка нашла яркое отражение в программных документах тайных декабристских организаций и в литературно-критической деятельности декабристов.

Отечественная война 1812 г. ознаменовала коренной поворот в понимании взаимоотношений языка так называемого «образованного общества» и общенародного национального языка. Это обстоятельство является чрезвычайно важным. В старой филологической науке если и говорилось о значении 1812 года в истории русского литературного языка, то в совершенно извращенном плане. Так, профессор Е. Ф. Будде писал, что после 1812 года «русское общество пережило сильное увлечение французским языком». Он считал, что даже разговорная речь под влиянием французского языка сильно изменилась (даже по своему произношению)¹³. Но ведь это французофильство может быть отнесено только лишь к дворянской аристократии! Как отметил товарищ Сталин, «русские аристократы одно время... баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а «классовые языки» — реальностью?» (стр. 14).

Отечественная война 1812 г., обнаружившая перед всем миром могучие силы и одаренность русского народа, впервые поставила с такой остротой перед передовыми образованными людьми России вопрос о необходимости преодолеть ту пропасть, которая отделяла их от народа. Передовые деятели дворянской культуры именно в 1812 г. вошли в непосредственное соприкосновение с народом, прониклись восхищением к его замечательным качествам и сочувствием к угнетенному положению крепостного крестьянства. И хотя классовые особенности мировоззрения не позволяли им полностью сблизиться с народом, все же сама проблема борьбы за народность и национальную самобытность возникла в годы войны со всей отчетливостью. Оторванность от народа болезненно ощущалась тогда передовыми современниками и в особенности участниками Отечественной войны. Об отдаленности от народа, от народных обычаев, народного языка писал в партизанском дневнике Денис Давыдов. Не без горечи признавался он в том, что даже в русских офицерах крестьяне иногда подозревали французов. Из своих наблюдений Денис Давыдов сделал выводы весьма примечательные: «Тогда я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком народа, но приравниваться к нему и в обычаях, и в его одежде. Я надел чекмень, стал отпускать бороду и заговорил с ним языком ему понятным». Участник Отечественной войны 1812 г. Федор Глинка вскоре после возвращения из победоносного заграничного похода русской армии писал, что слог должен быть «понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо всякие состояния участвовали в славе войны и в свободе отечества». С этим положением связано и резкое осуждение подражательства иноземному, призывы к очищению русского языка от иностранных выражений: «Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия галлов и двадцати языков; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых наречий в священных пределах словесности своей».

Эти установки нашли свое яркое выражение в деятельности декабристов, которые, говоря словами М. И. Муравьева-Апостола, были детьми 1812 года.

Понимание государственной важности преобразования литературного языка на принципе общепонятности для всех слоев общества вырази-

¹³ Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, СПб., 1908, стр. 10.

лось с предельной ясностью в самом замечательном документе декабристского движения — «Русской Правде» Пестеля, где мы читаем: «Законы должны быть ясны, понятны, справедливы и просты. Ясность необходима для того, чтобы каждый гражданин мог их понимать и потом свои поступки с ними без дальних затруднений сообразовать. Для того должен непременно каждый закон таким образом быть написан, чтобы он никаких толков не требовал, никаких недоразумений не допускал и ни под каким видом в двояком смысле не мог быть принят». В уставе декабристского Союза благоденствия членом тайного общества предписывалось: «Показывать всю нелепую приверженность к чужеземному и худые сего следствия, также стараться уверить, что добродетельный гражданин должен всегда предпочитать приятному полезное и чужеземному отечественное». И там же указывалось на необходимость обращать «особенное внимание на обогащение и очищение языка».

Борьба за общенародный литературный язык, обличение космополитизма реакционно-дворянских писателей проходит в качестве одной из главных тем в литературных выступлениях писателей-декабристов и прежде всего Александра Бестужева и В. Кюхельбекера. В первом же своем обзоре, напечатанном в «Полярной звезде» на 1823 г. Бестужев писал: «Век галлицизмов нагнал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий». Летописи, народные песни, сказки, лучшие произведения книжной словесности — вот на что указывал Бестужев как на источник развития русского литературного языка. Обзор заключался многозначительными словами: «Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его. Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но дает большую твердость колосьям и обещает богатую жатву». В других обзорах Бестужев вновь подчеркивал значение «мощного свежего языка, как стихии поэта», отмечал в «Горе от ума» невиданную ранее «природу разговорного русского языка в стихах». И в то же время он обличал тех писателей, которые «выросли на одной французской литературе, вовсе несходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка», и гневно восклицал по адресу подобных писателей: «Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятиную даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? когда будем писать прямо по-русски?»

Последовательную линию борьбы за национально-самобытный русский литературный язык против салонных жаргонов и диалектов проводил В. Кюхельбекер. С негодованием писал он о тех, кто «из слова... русского богатого и мощного силится извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык, un petit jargon de coterie. Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его... германизмами, галлицизмами и барбаризмами».

Что касается отношений декабристов к элементам церковнославянского языка, то наиболее четко оно выражено в следующих словах Александра Бестужева: «Язык славянский служит для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем своих героев бычачьей кожей, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, например, вертоград, ланиты, десница, но оставляем червям старины семя и овам, говядо и т. п.». Более сложными были в этом вопросе позиции Кюхельбекера, который, обличая эстетически-сентиментальный стиль поэзии Карамзина, не мог сам осознать отличия этих своих обличений от критики Карамзина Шишковым. К тому же стиль стихотворений Кюхельбекера, особенно раннего периода, был засорен церковнославянизмами. Однако характерно, что в

«Обозрении российской словесности 1824 г.» Кюхельбекер отделяет свои позиции от шишковских. Главный же водораздел между позициями Шишкова и Кюхельбекера заключался, конечно, в отношении к простонародному языку. В этом вопросе к Кюхельбекеру присоединился и Пушкин. Отвечая на обвинения дворянских критиков в простонародности языка «Полтавы», в употреблении «низких», «бурлацких» слов, Пушкин писал: «[низкими словами я, как Вильгельм Кюхельбекер], почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, *нализаться* вместо *напиться пьяным* и т. п.]; но никогда не пожертвую искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.»¹⁴

Борьба с реакционными группами дворянства шла и по вопросам семантики языка. Как указал товарищ Сталин, «...классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по разному понимают одни и те же слова и выражения» (стр. 34). Заслугой Пушкина является борьба против искаженного понимания важнейших слов и терминов и закрепление в литературе правильного их понимания.

Однажды Пушкин, цитируя Декарта, записал: «Определяйте значение слов <и вы избавите свет от половины его заблуждений>. Искаженным пониманием ряда важнейших слов и терминов защитники феодально-крепостнического строя использовали язык в целях сохранения этого строя и для маскировки своих действительных убеждений. Возьмем для примера такое слово, как «свобода». Трактовка этих слов Карамзиным такова:

Свобода мудрая свята,
Но равенство — одна мечта.

Или:

Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь;
Она призрак, страстей обман¹⁵.

Или другой пример, из прозы Карамзина: «...Свободу дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью божьей. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению»¹⁶. В религиозно-мистическом смысле трактовал это слово и Жуковский, когда писал: «Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон. Что есть свобода в высшем смысле? Совершенная подчиненность воле божией всегда, во всем, везде, и ничему иному».¹⁷ В творчестве же Пушкина закреплено революционное понимание слова «свобода» или же трактовка его в плане, хотя и личном, но лишенном какого бы то ни было религиозно-мистического оттенка. Например:

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.
(«Лицинию», 1815)

Пока *свободою* горим,
Пока сердца для чести живы...
(«К Чаадаеву», 1818)

¹⁴ А. С. Пушкин, т. XI, стр. 159.

¹⁵ Н. М. Карамзин, Соч., т. I, СПб., 1848, стр. 6,3

¹⁶ Там же, т. II, стр. 194—195.

¹⁷ В. А. Жуковский, Соч., т. II, 1885, стр. 130.

Где ты, где ты гроза царей,
Свободы гордая певица?

(«Вольность», 1817)

Свободы тайный страж, карающий кинжал...

(«Кинжал», 1821)

...Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный,
Свободы яркий день вставал...

(«Наполеон», 1821)

...В мой жестокий век восславил я свободу...

(«Я памятник себе воздвиг...», 1836)

Но и в тех случаях, когда Пушкин употребляет слово «свобода» вне прямого политического контекста, оно выражает стремление к освобождению личности от каких-либо внешних стеснений и ограничений и, в отличие от трактовок Карамзина и Жуковского насквозь материалистично (см., например, стихотворения «В. В. Энгельгардту» или «Птичка»).

Не менее характерно и принципиальное различие между Пушкиным и карамзинистами в трактовке слова «просвещение». Для Карамзина просвещение — это «палладиум благонравия», «источник блаженства в собственной груди нашей», «лекарство для испорченного сердца и разума»¹⁸. Жуковский писал: «Что есть просвещение? Искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла, — в самом себе находить неотъемлемое счастье»¹⁹. Пушкин же понимал этот термин в декабристском духе. Для него просвещение — это идеология, связанная с борьбой против абсолютизма и крепостного права. Характерно в этом отношении стихотворение «Деревня», где «просвещение» связано с понятием «свобода»:

...Над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

В других случаях Пушкин подразумевал под «просвещением» исторический прогресс, развитие культуры (например, в «Стансах»: «Он смело сеял просвещение...»).

По всем основным вопросам развития языка Пушкин был солидарен с декабристами. Конечно, в самом процессе развития языка декабристы по сравнению с Пушкиным — основоположником современного русского литературного языка — сыграли небольшую роль. Но если говорить о принципах борьбы за пути развития языка, то здесь, несомненно, Пушкин, был вместе с декабристами, а затем пошел значительно дальше.

Еще в лицейские годы, и тем более в дальнейшем, Пушкин выступал против попыток навязать русской литературе книжный церковнославянский язык и понимал антинациональный и реакционный смысл этих попыток. В 1816 г. он с большой пронизательностью отмечал, что язык которым пишут шишковисты, далек от настоящего русского языка. С презрением говорил он о фальшивой народности славянороссов:

...Неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин,
Варяжски песни затевает,
Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает...

Именно такая «народность», сочетаемая с призывом к нравам «древности седой», и проявлялась в стихах «губителей русского слова» — от самого Шишкова до его сподвижников вроде Буниной или Львова.

¹⁸ Н. М. Карамзин, Соч., т. III, 1848, стр. 399. 453.

¹⁹ В. А. Жуковский, Соч., т. V, 1885, стр. 251.

В дальнейшем враждебное отношение к Шишкову у Пушкина укрепилось все более и достигало наиболее полного осознания в 30-е гг., когда он писал: «Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский, и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могли быть заимствованы из церковных книг в нашу литературу, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать: *да лобжет мя лобзанием вместо целуй меня*»²⁰. Но еще в начале 20-гг. Пушкин записал старинную посьловицу: «*Иже не ври же, его же не пригоже*» и заметил по этому поводу: «Насмешка над книжным языком: видно, и в старину острялись насчет славянизмов». Пушкин высмеивал и тупое стремление Шихкова выбросить из русского языка все слова иностранного происхождения, заменить, например, слово «кий» словом *шаротык* или слово «тротуар» — *топталыщем*. В письме к Л. С. Пушкину он иронически писал по поводу Шихкова: «Не запретил ли он *Бахчисарайского фонтана* из уважения к святыне Академического словаря и неблавно составленному слову *водомер?*»²¹ Закрепление Пушкиным в русском языке так называемых «обрусевших» слов иностранного происхождения, конечно, нисколько не ослабило русский язык. Как отметил товарищ Сталин «...словарный состав русского языка пополнялся..., за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития» (стр. 25).

Отвергая националистическую нетерпимость Шихкова к каким бы то ни было словам иностранного происхождения, Пушкин вместе с тем указывал, что как материал словесности русский язык «имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими», требовал перевода иностранных слов, возражал против засорения русского языка иностранщиной и против механического перенесения в него форм другого языка. О прогрессивной сущности этих взглядов Пушкина говорят, например, следующие слова Пушкина в адрес цензуры, вычеркнувшей слово «вольнлюбивый»: «уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнлюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает внешнее *libéral*, оно прямо русское...»²².

По мере эволюции Пушкина к реализму и с развитием его политических взглядов возникает и принимает все более острые формы и вражда поэта к «языку паркетных дам», т. е. к салонно-аристократическому жаргону и его влияниям в литературе, и к сентименталистскому стилю Карамзина.

Изучение этапов развития языка произведений Пушкина следует рассматривать в прямой связи с развитием его мировоззрения и художественного метода. По мере того как принцип народности все более последовательно воплощался в творчестве Пушкина, он все более глубоко осваивал просторечие и этим путем добивался безусловного и точного соответствия слов выражаемой мысли. Поэтому, говоря об общих закономерностях взаимоотношения общенародного языка и индивидуально-художественного стиля Пушкина, нужно исходить из рассмотрения этапов его творческой эволюции, связывать изучения языка, как материала художественного творчества, с проблемами стиля, как определенной идейно-художественной системы.

²⁰ А. С. Пушкин, т. XI, стр. 226.

²¹ Там же, т. XIII, стр. 98.

²² Там же, стр. 32.

Попробуем кратко проиллюстрировать эту постановку вопроса.

Лицейская поэзия Пушкина характеризуется противоречивым сочетанием тем, мотивов и образов, выросших из наблюдений Пушкина над окружающей действительностью и, вместе с тем, связанных с влиянием карамзинистской поэзии. Эти влияния особенно сказываются при разработке мотивов мечтательного уединения, беспечных любовных наслаждений, грусти и т. п. Отсюда в лицейских стихах Пушкина и типичная для карамзинистского стиля сглаженность языка, ходовые поэтические определения, мешавшие воспроизведению действительности в ее живости и конкретности. Действительный, живой образ поэта в пушкинских стихах этого времени затмевали характерными для сентиментальной поэзии ходовыми самоопределениями «баловень», «ленивец» и т. п. Отсюда же обилие мифологических образов и мотивов, которые иногда причудливо сочетались с конкретными бытовыми деталями. Позже сам Пушкин указал на недопустимость подобного рода смешения, когда записал на полях стихотворения Батюшкова «Мои пенаты»: «Главный порок в сем прелестном послании есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни». Уже в лицейской пушкинской поэзии происходило вытеснение карамзинистского влияния, и таким образом был подготовлен новый этап стиля Пушкина, выразившийся в поэме «Руслан и Людмила», где стихия народного языка была определяющей (отсюда и враждебный прием, который оказали этой поэме и реакционные приверженцы классицизма, и карамзинисты).

Известные противоречия стиля отразились и в его романтических поэмах, поскольку здесь еще противоречив сам художественный метод Пушкина. В «Кавказском пленнике» те места, где Пушкин стремился воспроизвести образ героя романтически абстрактными чертами, отличаются неточным, отвлеченным, «туманным» языком (например, о пленнике говорится, что он «обнял грозное страдание»; см. также в монологе, обращенном к черкешенке:

Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад).

И вместе с тем те места поэмы, которые явились отражением действительности в ее конкретности (например, описание быта горцев, которое Пушкин ценил больше всего в этой поэме), отличаются точным разговорным языком. Характерно, что и в романтических поэмах отразилось, в частности, стремление Пушкина к точности эпитетов. Так, он отставлял эпитет «под влажной буркой» («Кавказский пленник»), указывая: «Бурка не промокает и влажна только сверху, следовательно можно спать под нею, когда нечем иным накрыться, а сушить нет надобности». А по поводу эпитета «на берегу заветных вод» указывал: «Кубань граница. На ней карантин и строго запрещается казакам пересезжать *об'он' пол*»²³.

Противоречия стиля у Пушкина сглаживались все более и более по мере эволюции к реализму и роста его политического мировоззрения.

Переломным моментом в этом процессе является начало 20-х гг., период южной ссылки, когда его политические взгляды достигли большей зрелости. Именно в это время он связывает проблему патриотизма, свободолюбия и национальной самобытности воедино. Именно к этому времени относится его известная запись о том, что только революционная голова может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. В 1822 г. Пушкин пишет Вяземскому о необходимости образования «метафизического» языка, прозрачно намекая на ожидание времени, когда наступят политические перемены и «люди, которые уме-

²³ А. С. Пушкин, т. XIII, стр. 69.

ют читать и писать..., будут нужны России». Тогда же он пишет поэму «Братья разбойники», основанную на использовании фольклорной поэзии и народной речи, указывая в письме К. А. Бестужеву: «Если отечественные звуки: *харчевня, кнут, острог* — не испугают нежных ушей читательниц *Полярной Звезды*, то напечатать его»²⁴. К этому же периоду относится его набросок о французской словесности, где решительно осуждается подражание французской словесности, указывая, что от нее в русской литературе «вредные последствия — манерность, робость, бледность». «Как можно ей подражать,— пишет Пушкин;— ее глупое стихосложение — робкий бледный язык...». И здесь же указывает: «...Есть у нас свой язык: смелее!— обычаи, история, песни, сказки — и проч.»²⁵. Здесь Пушкин упоминает дважды Дмитриева, Карамзина, Богдановича, как писателей, подражавших французской словесности. Эти мысли он развивает в других заметках и письмах, а в статье о прозе (1822 г.) подвергает резкой критике перифрастический стиль карамзинистов, которые, «почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами. Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень и проч.» — Должно бы сказать: рано поутру,— а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба; — ах, как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?»²⁶.

Следующий этап развития литературного стиля Пушкина относится к 1825 г., когда он работал над «Борисом Годуновым». Характерно, что его новые реалистические завоевания сопровождалось и на этом этапе теоретическими обобщениями. К 1825 г. относится статья «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», которая является своеобразной программой, излагающей взгляды Пушкина на пути развития русского литературного языка. Говоря о том, что в определенный исторический период простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, Пушкин указывает: «Впоследствии они сблизились и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

После того перелома, который Пушкин совершил в развитии русской литературы, написав «Бориса Годунова», закономерным было обращение к прозе — «Арапу Петра Великого», ибо именно проза позволяла окончательно довершить борьбу с карамзинистским стилем.

Наконец, новым следующим этапом в развитии художественного стиля Пушкина явились 30-е гг., когда он обратился к изображению героев из демократических низов и когда его пристальное внимание к прошлой и современной истории народа достигло наивысшего выражения — разработки темы пугачевского восстания.

Самое начало этого, последнего этапа творчества Пушкина, развития его стиля было ознаменовано поэмой декларативного характера — «Домик в Коломне». Она представляет собой своеобразный боевой манифест и по отношению к языку, как материалу художественного творчества, и к салонно-дворянской эстетике. Следует сказать, что встречающееся в литературоведении понятие «снижения» стиля Пушкина и «снижения» его героев Пушкин понимал совсем иначе. Для него в это время «снижением» было стремление дворянских писателей замкнуть круг тем только интересами так называемого «избранного» общества, а обращение к так называемой «низкой природе» было *возвышением* литературы. Еще во второй половине 20-х гг. он высмеивал так называемый «язык богов» (как называли язык поэзии литераторы из аристократической среды) и только в ироническом плане употреблял слова:

²⁴ А. С. Пушкин, т. XIII, стр. 64.

²⁵ Там же, т. XII, стр. 191, 192.

²⁶ Там же, т. XI, стр. 18.

«низкая природа». «Домик в Коломне» явился декларативным обобщением этой борьбы Пушкина против салонно-аристократического стиля. Это относилось прежде всего к словарю. Если карамзинист Макаров хвастался тем, что писатели карамзинского круга настолько разборчивы, что употребляют лишь одну треть словарного состава слова русского языка, то Пушкин в этой поэме заявлял:

...Все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

Здесь же даны в сатирическом плане характерные для аристократической эстетики образы муз Парнаса, Феба и провозглашается ориентировка на совершенно новую аудиторию.

..Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек-муз уж не прельщает нас.
И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядья, муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! Не вертись, резвушка!
Теперь начнем.— Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка...

В первоначальном наброске вступления эта направленность Пушкина против аристократической эстетики видна с еще большей очевидностью. Здесь говорится об изнеженном поэте, о «парнасском костоправе», о пудреной пиитике и о барском суде, на котором могут призвать пушкинскую музу. Одновременно с этим Пушкин пишет «Повести Белкина», которые пролагают путь всей реалистической прозе и вместе с тем пародируют салонно-сентиментальный стиль светских повестей. Через несколько лет Пушкин пишет «Медный всадник». Впервые в поэме, посвященной историко-философской проблематике, основой стиля становится просторечие. Это относится не только к языковым средствам, при помощи которых воспроизводятся размышления Евгения и которые отличаются исключительной простотой и естественностью:

Пройдет быть может год-другой,
Местечко получу. Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...

Эта же стихия просторечия претворена и в лирических описаниях поэмы, и в пейзаже:

Нева металась как больной...

Или:

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...

И вместе с тем, в этой же поэме звучит торжественная речь, напоминающая лучшие оды XVIII в., но естественная, лишенная какой бы то ни было искусственности. Разнообразие словарного состава «Медного всадника», которое меняется в зависимости от идейного задания отдельных частей, подтверждает всю нелепость постановки вопроса о необходимости какого-то особенного внимания к архаизмам (о чем писал, например, А. Югов в «Литературной газете»).

Полная победа общенародного языка в литературе была ознаменована и появлением «Истории Пугачевского бунта». Стиль этого труда Пушкин защищал в своем ответе реакционному историку В. Бронев-

скому²⁷, который, исходя из критериев выпренности, напыщенности стиля исторических произведений, упрекал Пушкина в том, что его «История Пугачевского бунта» «писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона...» Интересно отметить, что манифесты Пугачева были для Пушкина не только историческими источниками: первое воззвание Пугачева к яицким казакам Пушкин охарактеризовал как удивительный образец народного красноречия²⁸.

В 30-х гг. Пушкин, достигнув вершин реализма в своем творчестве, вместе с тем завершил и реформу русского литературного языка во всех жанрах. Он выработал и утвердил такие принципы творческого использования языка, которые стали нормой в дальнейшем развитии реалистической литературы. Эти принципы обобщены самим Пушкиным в понятиях «соразмерности» и «сообразности». «Истинный вкус,— писал Пушкин,— состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности»²⁹. Выбор и употребление слов подчинялся Пушкиным только единой цели — наиболее точному выражению смысла, идеи произведения или отдельных его мотивов. Так, например, работая над письмом Татьяны, Пушкин сначала выразил первое впечатление Татьяны от встречи с Онегиным словами:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Душа затрепетала.

Затем Пушкин отбрасывает элегически-сентиментальное определение «душа затрепетала» и заменяет его определением, взятым из «просторечия»:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Вся обомлела...

Интересны стилистические средства, используя которые Пушкин описывал смерть Ленского. Вначале о его гибели говорится теми словами, которые соответствуют психологии и облику Ленского как высокого романтического поэта:

Его уж нет. Младой певец
 Нашел безвременный конец!
 Дохнула буря, цвет прекрасный
 Увял на утренней заре,
 Потух огонь на алтаре!..

Далее этот же факт гибели Ленского описывается просто и естественно, словами и понятиями обычной разговорной речи, и только тогда повествование достигает подлинного драматизма. Об остановившемся сердце Ленского говорится:

Теперь, как в доме опустелом,
 Все в нем и тихо, и темно:
 Замолкло навсегда оно,
 Закрыты ставни, окна мелом
 Забелены. Хозяйки нет.
 А где, бог весть. Пропал и след.

В лирике Пушкина словоупотребление также всегда зависело от идейного замысла и только ему подчинялось. Поэтому изменения в языке Пушкина и его словарном составе следует рассматривать в связи с общей эволюцией его художественного метода и идейными заданиями отдельных произведений.

В заключение мне хочется обратить внимание на особое значение теоретических обобщений Пушкина по вопросам развития языка. В ряде своих статей и набросков на эти темы Пушкин далеко шагнул за пределы исторической и эстетической мысли своей эпохи.

²⁷ См. А. С. Пушкин, т. IX, стр. 379 и след.

²⁸ Там же, т. IX, стр. 371.

²⁹ Там же, т. XI, стр. 40.

Первостепенный интерес с этой точки зрения представляет статья 1830 г., которая носит условное название о народной драме и драме «Марфа Посадница»³⁰. Она выражает собою наиболее полное представительство Пушкиным народных интересов в области литературы и эстетики. Пушкин ставит в этой статье два вопроса: 1) «Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?» 2) Почему драма «оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное?» Общий ответ на первый вопрос дан Пушкиным в краткой формулировке. Цель драмы «человек и народ». «Судьба человеческая, судьба народная». Отвечая на второй вопрос, Пушкин показывает, каким образом искусство оторвалось от народа и от его языка. «Драматическое искусство родилось на площади,— пишет Пушкин,— для народного увеселения». Дальше ход мыслей Пушкина следующий. После того, как драма оставила площадь, поэты переселились ко двору. Поэт не смог предаваться «вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса», «он боялся унижить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей — отселе робкая чопорность, смешная надутость», «привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием». Вот почему и в каких условиях «драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное». Далее Пушкин ставит вопрос, как придворную трагедию неизвестно опять на площадь, «у кого выучиться наречию, понятному народу». И в ответ на это Пушкин говорит: «...Для того, чтобы она <драма> могла расставить свои подмостки, надо было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий».

Из этих рассуждений Пушкина совершенно очевидно, что он ясно представлял себе враждебность народу не только аристократической эстетики, но и свойственного придворным кругам отношения к языку. Значение пушкинской реформы русского литературного языка тем более велико, что эта реформа была осуществлена в условиях феодально-крепостнической России. Пушкин смог не только отразить, но и далеко опередить самые прогрессивные устремления своего времени. Именно потому принципы его отношения к русскому языку сохраняют свою силу и сегодня, а язык, которым написаны его произведения, во всем существенном представляют собой норму и для нашего времени.

Убежденность Пушкина в необходимости для писателя непрестанно осваивать сокровища народного языка, его борьба за простоту и ясность литературной речи, против формальных ухищрений, изысканности, «жеманства», против засорения ее иностранными терминами — все это нашло продолжение в деятельности всех лучших представителей дореволюционной и советской литературы. В течение более чем ста лет, прошедших после смерти Пушкина, могучий русский язык усовершенствовался, обогатился, достиг еще большего расцвета. Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала дальнейшему сближению литературного языка и живого разговорного языка народа. В языке появились многие новые слова, вызванные новым, социалистическим строем. И все же современный русский язык, как указал товарищ Сталин, мало чем отличается по своей структуре от пушкинского языка. Вслед за Тургеневым мы можем сказать о Пушкине: «...Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением».

* А. С. Пушкин, т. XI, стр. 177—183.